

В этот же время устроившая весь этот хаос мать Сюй сидела на полу, прижимая к себе картину и безутешно рыдая. Вокруг неё лежали осколки стекла и раздавленный виноград, а на домашних штанах виднелись пятна крови. Однако она, казалось, не чувствовала боли, полностью отдавшись своему горю.

Фу Дунчэнь поднял глаза на стену гостиной. Было очевидно, что картина, которую держала мать Сюй, изначально висела именно там.

Она, казалось, даже не заметила прихода Фу Дунчэня, продолжая тихо рыдать. Её всхлипывания были негромкими, но они словно витали в воздухе, как назойливые комары, от которых невозможно избавиться ночью.

Фу Дунчэнь намеренно пнул ногой осколки стекла, чтобы создать шум, но мать Сюй всё равно не обратила на него внимания. С нахмуренным лицом он шагнул к ней.

Лу Мин, наблюдая за этим, напрягся. Он последовал за Фу Дунчэнем, готовый к худшему, так как ранее несколько подчинённых, пытавшихся остановить обезумевшую женщину, получили по голове брошенным ею настольным светильником и вазой.

Остановившись рядом с матерью Сюй, Фу Дунчэнь заметил раздавленный виноград у её ног. Его брови сдвинулись ещё сильнее, и он едва заметно отступил назад, словно испытывая отвращение. Присев на корточки, он спросил:

— О чём вы плачете?

Рыдания не прекратились. Мать Сюй полностью игнорировала его присутствие, даже не удостоив его взглядом.

Фу Дунчэнь, хотя и раздражён, сдержал свои эмоции и произнёс:

— Сюй Ю не умер.

Рыдания прекратились. Мать Сюй подняла на него взгляд. Её макияж был полностью размазан, слёзы смыли тушь и румяна, а волосы растрепались. Её некогда привлекательное лицо теперь выглядело пугающе.

Она сглотнула и, выпрямившись, спросила:

— Что ты сказал? Сяо Ю жив?

— Да, он жив.

Мать Сюй обрадовалась, забыв о слёзах. Она поспешно пригладила волосы и вытерла лицо, но это только ухудшило её внешний вид.

Фу Дунчэнь сдержал желание встать и уйти, молча ожидая её реакции.

Приведя себя в порядок, она не сразу встала, а вместо этого поцеловала картину и с улыбкой сказала:

— Лао Сюй, ты слышишь? Наш сын жив, он жив.

Фу Дунчэнь снова нахмурился, глядя на картину в её руках. Это была обычная пейзажная картина, украшавшая гостиную, и он не понимал, почему она обращается к ней, как к отцу

Сюй. Неужели она действительно сошла с ума?

Мать Сюй, казалось, получила какой-то ответ от картины, так как она начала бормотать:

— Не волнуйся, я больше не позволю ему убежать. Лао Сюй, мы с сыном ждём тебя дома, возвращайся скорее.

Фу Дунчэнь потер виски, чувствуя, что если он не уйдёт отсюда как можно скорее, то сам сойдёт с ума.

— Ваш сын жив, но его схватили плохие люди.

— Плохие люди?! — воскликнула мать Сюй, забыв о картине. — Кто осмелился схватить моего сына? Ведь наш Лао Сюй — второй человек в городе, кто посмеет его тронуть?

Фу Дунчэнь сдержал раздражение и спросил:

— Тот, кто сказал вам, что Сюй Ю умер. Вы помните, кто это был?

— Кто сказал, что Сяо Ю умер? — пробормотала она. — Он сказал, что Лао Сюй покончил с собой, а мой Сяо Ю был убит. Сяо Ю, мой сын! Мама виновата перед тобой, виновата...

Фу Дунчэнь не ожидал, что его вопрос снова ввергнет её в отчаяние. Она снова обняла картину и зарыдала, и теперь её плач был ещё невыносимее.

— Я сказал, ваш сын жив.

Рыдания прекратились, и она кивнула:

— Да, Сяо Ю жив, он жив. Скажи, кто его схватил? Кто?

Фу Дунчэнь нахмурился, глядя на её руку, сжимающую его рукав. Ногти были сломаны, и на них были следы какого-то вещества. Он глубоко вздохнул:

— Я нашёл того, кто его схватил, но они требуют обмена.

— Обмена? На что? Скажи, что угодно, я всё отдам, только спаси моего Сяо Ю. У меня только он один, только один...

Фу Дунчэнь, видя, что она снова готова заплакать, быстро сказал:

— На самом деле это ничего важного, просто документ, оставленный вашим мужем.

— Документ? — она наклонила голову, выглядя растерянной. — В кабинете Лао Сюя много документов. Какой именно?

Фу Дунчэнь, почувствовав, что она идёт на контакт, продолжил:

— Очень важный документ. Ваш муж наверняка говорил вам не показывать его никому.

Она опустила голову и прошептала:

— Документ, очень важный, нельзя никому показывать... Ах! — Она подняла голову, лицо её озарилось радостью. — Я знаю, что это за документ!

Фу Дунчэнь, видя её безумный вид, потерял терпение:

— Тогда отдайте его мне, и я спасу Сюй Ю.

— Нет! — она крепко обняла картину и закричала. — Лао Сюй сказал не показывать его никому. Не дам!

— Это не мне, это тем, кто схватил Сюй Ю. Если я не отдам его, они убьют его.

Она резко встала, но, просидев на коленях долгое время, пошатнулась. Фу Дунчэнь отступил назад, боясь, что она упадёт на него.

Мать Сюй, держа картину, начала крутиться на месте, её движения были неуклюжими, а слова повторялись:

— Лао Сюй сказал не отдавать, но если не отдам, Сяо Ю умрёт...

После бесконечных повторений она, наконец, посмотрела на Фу Дунчэня:

— Я не хочу, чтобы Сяо Ю умер. Он у меня единственный...

— Тогда отдайте мне документ. Я спасу Сюй Ю и верну его вам.

— Правда?

Фу Дунчэнь, стиснув зубы, кивнул.

— Хорошо, — она радостно побежала к стене, спотыкаясь на ходу. — Подожди, я найду его. Ты должен спасти моего Сяо Ю и вернуть документ.

Фу Дунчэнь посмотрел на стену, которую она ощупывала. Кроме телевизора, там ничего не было. Он задумался, не сделал ли отец Сюй потайное отделение в стене, но тут она закричала:

— Пропала! Моя картина пропала! Не могу найти!

Картина? Фу Дунчэнь резко посмотрел на картину, которую она крепко держала. Он заметил гвоздь на стене и понял. Он шагнул к ней и попытался вырвать картину, но она отступила назад, защищая её:

— Что ты делаешь! Не смей трогать мою картину!

Фу Дунчэнь сдержал раздражение и указал на картину:

— Вы ищете это?

Она посмотрела и радостно воскликнула:

— Да, да, это она! — Она перевернула картину, и Фу Дунчэнь заметил, что рама была толще обычной.

Она открыла заднюю крышку и начала искать внутри, но там ничего не было.

— Эй? Где моя вещь? Куда она делась? — Она подняла картину, тряся её, но ничего не выпало.

Сердце Фу Дунчэня упало. Не церемонясь, он вырвал картину из рук матери Сюй.

<http://bllate.org/book/16472/1495889>